

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова»

В.Н. Матонин

«НАШЕ МОРЕ – НАШЕ ПОЛЕ»

**Социокультурное пространство
северной деревни:
генезис, структура, семантика**

Монография

Архангельск

ИПЦ САФУ

2013

УДК 316.72(1-22)+94(470.11):39
ББК 60.546.22-4+63.529(235.1)
М345

*Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом
Северного (Арктического) федерального университета
имени М.В. Ломоносова*

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор **Е.И. Аринин**,
доктор исторических наук, профессор **П.В. Боярский**,
доктор философских наук, профессор **Ю.В. Линник**

Матонин, В.Н.

М345 «Наше море – наше поле». Социокультурное пространство северной русской деревни: генезис, структура, семантика: монография / В.Н. Матонин; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Архангельск: САФУ, 2013. – 334 с.
ISBN 978-5-261-00781-4

В монографии проанализирована феноменология северного направления в ценностной топографии. На основе учения о теургии рассматриваются генезис, структура и семантика социокультурного пространства крестьянского мира в период, предшествовавший «великому перелому» 20–30 годов XX века.

Издание адресовано аспирантам, преподавателям философии, культурологи и истории, специалистам.

УДК 316.72(1-22)+94(470.11):39
ББК 60.546.22-4+63.529(235.1)

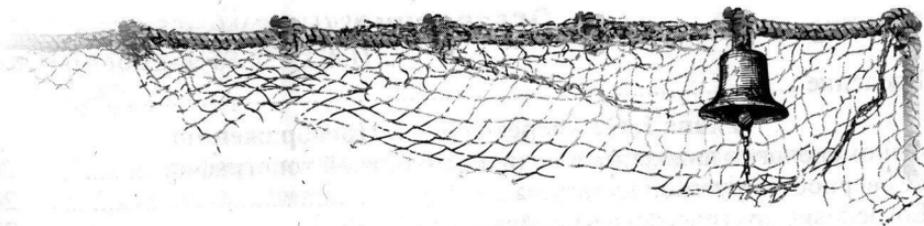
Издание осуществлено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 11-06-98800 р_север_а «Комплексное исследование общественной и благотворительной деятельности в Евро-Арктическом регионе в прошлом и настоящем» и гранта РГНФ (проект № 12-13-29004 а/С «Образы финно-угорского, скандинавского и русского православного наследия в этнокультурном ландшафте Поморья»)

ISBN 978-5-261-00781-4

© Матонин В.Н., 2013
© «Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, 2013

Оглавление

Введение	4
Глава I. От «перехода» – к Преображению	
Феноменология движения и цели в ценностной топографии	20
«Северность» русской культуры	24
Богословие арктического мореплавания	27
«Русский Север» как этнокультурное понятие.....	39
Глава II. Соловецкий монастырь – «крестьянское царство»	
Географическое и мифологическое измерения Соловецкого архипелага	46
«Дом Спаса и Николы» – духовный, хозяйственный и военный центр Русского Севера	50
Генезис смыслов: от идеала – к идеологии.....	61
Метаморфозы пространства: от монастыря – к лагерю	71
«Священный остров» как образ и символ Поморья	83
Диахрония.....	83
Синхрония	85
Глава III. Онежское Поморье и Поонежье: от «моря» – до «поля»	
Признаки переходности в ландшафте и этнокультурной типологии	87
Оформление социокультурного пространства	88
Локальные и универсальные особенности промысловой культуры Онежского Поморья в конце XIX – начале XX века	96
Поморский берег Белого моря.....	96
Онежский берег Белого моря	133
Христианские архетипы в крестьянской культуре Поонежья на рубеже XIX и XX веков	144
Верховье и Сырья.....	144
Чекуево и Турчасово.....	168
Крестьянский мир и социокультурные инверсии 1920-х годов	184
Глава IV. Кенозерье и Лекшмозерье: структура социокультурного пространства	
Имянаречение как механизм конструирования социокультурного пространства Кенозерья	200
Кенозерье в местном фольклоре	200
Способы маркирования пространства	202
«Уличные фамилии» и прозвища.....	205
Сакральный ландшафт Лекшмозерья	208
Заключение.....	224
Приложение. «Раньше и ныне» (Рассказы жителей Кенозерья и Лекшмозерья).....	230

ВВЕДЕНИЕ

Логика исследования генезиса, структуры и семантики социокультурного пространства северной деревни предполагает соотнесение этнокультурных понятий «Русский Север», «Поморье» и «Соловки» как границ – государственной, экзистенциальной, духовной. Обращенность к сюжетам русского Средневековья и всеобщей истории оправдана необходимостью осмысления генезиса пространственных представлений. В период с конца XIX века по 1930-е годы религиозно-культурный уклад северного крестьянства достиг полноты развития и начал лавинообразно модернизироваться в сторону универсальности. Это определило особый интерес к эпохе «великого перелома».

Сельские поселения, возникшие в результате славянской колонизации Севера, группировались вдоль рек и озер, где доминирующей пространственной координатой было направление «юг – север». От Соловецкого монастыря, имевшего стратегическое значение в духовной «навигации» северного крестьянства, морские дороги открывались в сторону Арктики. Структура монографии определена движением с севера на юг: от Соловецкого архипелага к Онежскому Поморью, Поонежью, Кенозерью и Лекшмозерью. Направление задано рекой Онегой как наиболее кратким путем, соединяющим Онежский залив с Каргопольем, куда входят Лекшмозерье и Кенозерье.

Актуальность избранной темы обусловлена главенствующей ролью крестьянства в истории, культуре и хозяйственной жизни Русского Севера. Без осмысления универсальных механизмов конструирования пространственных представлений в наше время невозможны созидательная деятельность, определение ценностно-смысловых приоритетов, разработка эффективных экономических моделей.

Если рассматривать время как четвертое измерение пространства, то перемены геологического масштаба в истории почти не-

заметны. В постиндустриальную эпоху пространственные представления распахнулись в микро- и макромиры. Виртуальное пространство стало фактом повседневной реальности современного человека. Слово «виртуальный» происходит от латинского *virtualis* – возможный, вероятный, проявляющийся в определенных условиях¹. «Реальный» – от латинского *realis* – вещественный. Реалия – предмет, вещь. Реализовывать – осуществлять, приводить в исполнение².

В повседневной речи мы нередко слышим и произносим слова «как бы» и «якобы», подразумевающие разделение формы и содержания. Где граница между реальностью и виртуальностью? В реализуемой потребности. Напряженность жизни измеряется в волевых актах, превращающих намерения в материализованный результат.

Что такое человек и что есть реальность? Это основные вопросы онтологии. Мы исходим из представлений о человеке, которые сформулированы еще в Древней Индии: «Человек состоит из веры: какова его вера, таков он» (17, 3)³. О человека разбиваются волны последствий и от человека расходятся волны причин. Подлинная реальность, подобно биосфере, структурируется вокруг личности в знаковых формах традиционной культуры. Благодаря культуре, становится возможной общественная жизнь⁴. Если природа – «текст», то культура – его «цитирование». Координаты «культы» и «культуры» развертываются из личности культурного героя, святого, подвижника, благоукрашающих землю и смиряющих враждебную стихию своей кротостью. «Культ» объясняет смысл жизни, а культура вербализует ценностно-смысловые представления людей через их теургическую деятельность.

Отчуждение от реальности начинается с разрушения патриархального уклада. В деформированном социокультурном пространстве время (четвертое пространственное измерение и одновременно признак реальности) идет назад. Виртуальное пространство лишено структурности: в нем нет ориентиров. Подлинность пластична и подобна воде. Она проникает всюду, просачивается, за-

¹ Словарь иностранных слов. 8-е изд. М.: Русский язык, 1981. С. 106.

² Там же. С. 432.

³ Бхагавад-Гита / пер. Б.Л. Каменской, И.В. Манциарли // Вестник теософии. Калуга, 1914.

⁴ Лотман Ю.М. О семиотическом механизме культуры // Антология культурологической мысли. М.: Изд-во РОУ, 1996. С. 324.

полняет пустоты. Реальность бытийствует по своим законам. Она может быть ласковой и незаметной или может напоминать море во время шторма. Реальностью нельзя манипулировать на протяжении жизни двух-трех поколений. Социум не создает реальность, а живет в ней. Реальность имеет пространственные координаты. Это среда обитания. Ее преобразовывают, приспособливают под злободневные потребности и условия. Когда мы не подчиняемся законам природы, реальность наказывает нас эпидемиями, стихийными бедствиями, разрушительными войнами. Конфликты будущего вероятны не в социальной, политической, экономической или профессиональной сферах, а между виртуальностью и реальностью. Современному обществу нужна «точка сбора» – идеология, основанная на высоких идеалах. Абсолютные ценности нельзя придумать или навязать, их можно выстрадать или вспомнить как традицию – способ сохранения и архивации народной памяти.

Человек, страдающий амнезией (потерей памяти), не в состоянии планировать будущее. Народ, отрицающий свое прошлое, превращается в неуправляемую толпу. В «нулевые» годы происходило обнуление социальных смыслов. Общество, примеряющее на себя идеологию потребления как единственную реальность и ценность, теряет возможность пространственной ориентации.

В диапазоне нагнетаемых рекламой эмоций преобладает агрессия: кто громче крикнет (цветом, сюжетом, способностью повлиять на животные инстинкты в человеке), тот прав, а значит лучше может себя подать и выгоднее продать. Поток информации, рекламы, впечатлений заставляет нас не только чужую судьбу воспринимать как виртуальную схему, но и к своему внутреннему миру относиться пренебрежительно. Напряжение психической жизни провоцирует телесную и душевную расслабленность. Современные информационные технологии позволяют присутствовать как бы одновременно всюду и нигде, задают ускоренный ритм бытия. Поток негативной информации снижает чувствительность к чужой боли, отрицательно влияет на психику и душевное состояние дезориентированного человека.

Реакция обывателя на внешние раздражители имеет двойственный характер. Это либо агрессия в форме крайнего национализма, либо покорность под воздействием преобладающей силы – конформизм. Стремление несостоявшейся личности к цельности реализуется либо в девиантном поведении, либо в бегстве от действительности в «свою сказку» и «сон золотой». «Культурный прогресс-

сизм» предполагает априорную неудовлетворенность настоящим, поддерживает неутоляемую жажду материальных благ.

Виртуальность имеет игровую природу и адресована миру возможного. Виртуальные научные концепции отличаются от реальности таким же образом, как компьютерная игра от событий, которые она воспроизводит. «Как-бы-наука» характеризуется заранее известным результатом. Для подлинной науки нужен эмпирический материал – реалии, факты, законы. Постмодернизм, как идеология виртуальности, проникает во все сферы жизни. Массовое искусство стремится к абстракции. Виртуальной экономике не нужны деньги. Виртуальная политика опасна немотивированными решениями. Оторванность от реальных нужд и потребностей народа придает действиям людей, принимающих ответственные решения, абсурдный характер. Сценарий социальных конфликтов и «оранжевых революций» напоминает компьютерную игру, где намерения никогда не совпадают с результатом.

Общество снимает с людей личную ответственность за преступления по отношению к «чужим». Современный человек, как правило, плохо различает двухмерную виртуальность и трехмерную реальность. Мы переносим функциональность отношений с техникой на межличностные коммуникации. Это провоцирует взаимное непонимание, затрудняет поиск общего языка. В современном обществе невозможность договориться значительно опасней, чем когда-либо в прошлом.

Перемены в технологиях бытия происходят одновременно со сменой ценностно-смысловой парадигмы в жизни человека и общества. Развитие компьютерной техники, мобильной связи, информационных технологий имеет очевидные позитивные и неочевидные негативные последствия социального, этического и психологического характера. По мере увеличения скоростей планетарное пространство «уменьшается». Появляются задачи, которые невозможно решить в рамках отдельно взятой страны. Нельзя, например, улучшить экологическую ситуацию, оставаясь за «железным занавесом».

Доступность и бесконечное количество сведений по любому вопросу требуют философского осмысления эмпирического материала. Без концептуального мировидения и миропонимания социокультурное пространство деформируется, утрачивает границы. Неизмеримо возрастает ценность идей, идеалов, идеологии.

Планетарное информационное поле не ограничено государственными рубежами. Экологические, социальные и политические проблемы не являются частным делом этноса, народа, государства. В многополярном мире становится тесно. В условиях глобализации диалог культур начинается с факта присутствия одной культуры в другой. Эта ситуация усиливает экономическую, классовую, конфессиональную напряженность.

Кто помнит историю, тот знает все. Очевидны симптомы известной социальной болезни, которую можно квалифицировать как «энтропия реальности». События прошлого рифмуются и дробятся, повторяясь в бесчисленных вариантах. Еще в Древней Греции (до реформ Солона) свободные эллины охотно продавали себя в рабство. Это было выгодно. Не нужно было служить в армии, платить налоги, исполнять гражданские обязанности, заботиться о пище. В условиях разрушающегося родового общества в Киевской Руси было немало людей, которые добровольно становились холопами в надежде на защиту и решение проблем, требующих неординарных и активных действий. По этой же причине в наше время формируется поколение людей, удовлетворяющихся «чечевичной похлебкой» иллюзорной реальности в обмен на необходимость принятия личных ответственных решений.

Для многих искусственная пища вкуснее настоящей, телевизионная картинка выглядит более эффектно, чем подлинный пейзаж, а компьютерная игра реализует потребность в героизме, в управлении моделируемыми процессами. Если рабочий продает свой труд за деньги, не будучи заинтересован в конечном результате, он удовлетворяет чужую потребность, и его сознание переходит в виртуальное измерение.

Идеал человека с рабской психологией – отсутствие деятельности, небытие, нирвана, дурная бесконечность, нереализованная виртуальность. На этом фоне возрастает роль личности как причины, а не функции. По определению Н.А. Бердяева, личность – духовно-нравственная категория, цель, поставленная перед человеком. Личность порождает последствия. Это прерогатива господина, тогда как человек, поработанный псевдокультурой, подчиняется внешним причинно-следственным связям. Личность несет в себе силу сопротивления, иррациональную по отношению к живой природе.

Любое явление существует в едином смысловом ряду с причинами, его породившими, и последствиями, проистекающими из него. Последствия идут навстречу поступку. О личности разби-

ваются волны причин, порождая последствия в виде «культуры». Социокультурное пространство оформляется и структурируется вокруг культурного героя, царя, первопроходца, святого, подвижника, аскета – личности неординарной и харизматической.

Реальное социокультурное пространство маркировано священными объектами и топонимически оформлено. В нем всегда присутствует «гений места» – носитель «идеи места», хранитель исторической памяти¹. «Идея места» формируется как ответ на требования природных условий. Она выражена в пространственных характеристиках, которые из конкретно-чувственной реальности переходят в метафизический план. Стрелки мифологического времени всегда указывают в сторону вечности².

Промысловый или земледельческий типы хозяйствования складываются по отношению к востребованным природным ресурсам³. Сочетание северных ландшафтов формировало в крестьянах (христианах – православных земледельцах) противоречивый социокультурный комплекс. Лес учил трудолюбию и осторожности. Равнина воспитывала склонность к мечтательности и приверженность к социокультурным утопиям. Река «преодолевала замкнутость леса»⁴. Приближение к морю выявляло в женственной русской культуре «мужские» качества: целеустремленность, стремление к расширению экзистенциальных и территориальных границ, пренебрежение опасностью.

Поиск путей решения актуальных проблем современности ведет на Русский Север, в Поморье, на Соловки. По словам Т.А. Бернштам, в культуре Русского Севера «сконцентрировались и отличались в образы вековые духовно-моральные и социокультурные искания русского народа»⁵. В контексте глобальных проблем и

¹Замятина Н.Ю. Гений и место: варианты взаимодействия // Поморские чтения по семиотике культуры. Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика / отв. ред. Н.М. Теребин. Архангельск, 2011. Вып. 5. С. 94–104.

²Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 5; Его же. Фрагменты дополнений к «Диалектике мифа» // Лосев А.Ф. Личность и Абсолют. М.: Мысль, 1999. С. 378–514.

³В современной Японии отсутствие «природных ресурсов» стало стимулом для развития высоких технологий.

⁴Ключевский В.О. Курс русской истории. М.: Мысль, 1987. Т. I. С. 63–89.

⁵Русский Север. Историко-этнографический сборник / под ред. Т.А. Бернштам, К.В. Чистова. СПб.: Наука, 1992.

противоречий русской жизни особое значение приобретает философский анализ религиозных и хозяйственных оснований сельской жизни. Природно-климатические условия, экстремальные для хлебопашества и морских промыслов, формировали в северных крестьянах готовность к взаимопониманию – комплекс таких качеств, которые необходимы человеку сегодня, когда опасность одномерного мышления как никогда очевидна. Отечественная история стремится к синтезу с философией. Таким же образом современная философия нуждается в эмпирическом материале.

Славянофилы подчеркивали мысль о «всечеловечности» русской культуры, ее способности воссоединять несоединимое, примиряя противоречия Запада и Востока. Религиозный смысл переживаемых трудностей – в искуплении, а исторический – в осознании уже существующего опыта соработничества, сотрудничества – синергии в поиске общего языка и возможностей плодотворного диалога: в переходе от бинарности к троичности – устойчивому сочетанию разнородных и разновеликих социальных элементов, метафизическому воссоединению прошлого и настоящего.

Социально-философской основой исследования является учение о теургии, разработанное в трудах историков, филологов (В.Н. Топоров) и классиков русской религиозно-философской мысли (В.С. Соловьев, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев и др.), раскрывающее онтологическую связь культа и культуры.

Сближение понятий «религия» и «культура» обусловлено известными концептуальными представлениями о культуре как результате дифференциации культа, «разворачивании его содержания в разные стороны»¹.

Изучение крестьянского хозяйства и хозяйственных традиций – не только анализ процессов и результатов материального производства, но и постижение духовной жизни народа². «Культ» и «культура» сливаются в значении: они едины в библейской полноте времен – в круге вечности. С точки зрения крестьян, смысл жизни – в возделывании «своей борозды» с благоговением и благодарностью. Подлинная реальность – в «изобилии плодов земных и благорастворении воздухов».

¹ Бердяев Н.А. Воля к культуре и воля к жизни // Творчество. 1990. № 4. С. 14.

² Кузнецов С.В. Религиозно-нравственные исследования земледельческого хозяйства // Православие и народная культура. 1994. № 1. С. 98.

Развивая идеи о. Павла (Флоренского), современный православный богослов игумен Андроник писал: «В человеческой деятельности различаются три основных стороны: теоретическая (мировоззрение), практическая (хозяйство) и литургическая (культ). Независимые друг от друга, они возникли путем распада некогда единой деятельности, теургии, в основе которой и лежит собственно культ, священнодействие. Культ – средоточие культуры»¹.

Если исходить из утвердившихся в науке представлений о том, что «чистая религиозность» неопределима и познается в «контексте деятельности человека и социума»², то возможны частные проявления религиозности в пределах локальных этнокультурных и социальных групп. Формы религиозной жизни населения могут быть сходными, но, по мнению Т.А. Бернштам, это не означает их полного единообразия и тождественности³.

«Универсальная черта (признак) любого порядка – его локальность, являющаяся следствием не только объективных – внешних («вещественных») различий в этносоциокультурных и этноконфессиональных процессах, но и субъективных – внутренних мировоззренческих различий, обусловленных онтологически присущей человеку или сообществу локальной ментальностью»⁴.

На формирование методологии исследования социокультурного пространства северной деревни оказали влияние такие актуальные для современной гуманитарной научной картины мира направления и подходы, как историческая антропология (А.Я. Гуревич) и семиотика культуры (Ю.П. Лотман, Б.А. Успенский, В.Н. Топоров, А.М. Панченко).

К числу методов, активно используемых в социальной философии, относятся опрос местного населения, семиотический анализ, направленный на выявление категорий культуры, ее особого языка и ментальности, которые в совокупности формируют картину социокультурного пространства северной деревни.

¹ Русская духовность в жизни преподобного Сергия и его учеников // Богословские труды: сб. № 29. М., 1989. С. 236–237.

² Панченко А.М. Народное православие. СПб.: Алетейя, 1998. С. 11.

³ Бернштам Т.А. Локальные группы Двино-Важского ареала: Духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // Русский Север. К проблемам локальных групп. СПб., 1995. С. 12.

⁴ Ее же. Учение и опыт церкви в народном христианстве. СПб.: РАН, Музей антропологии и этнографии, 2000. С. 331.

В настоящем исследовании был использован личный архив автора, содержащий как документальные, так и повествовательные материалы. Последняя группа источников была опубликована в книгах, где автор данной монографии выступил в роли научного редактора: «История от первого лица. Мир северной деревни в письменных свидетельствах сельских жителей»¹, «“Не век жить – век вспоминать”». Народная культура Поонежья и Онежского Поморья»². Впервые введены в научный оборот рассказы жителей Лекшмозерья и Кенозерья. Широко используются материалы полевых исследований, а также нарративные источники эмпирически-описательного и концептуально-теоретического содержания. Наиболее значительные из них – «Сборник народных юридических обычаев» П.С. Ефименко³, «Описание Архангельской губернии для народных училищ» В. Белова⁴, «Путеводитель по Северу России» П.Н. Островского⁵, «Крайний север Европейской России» А.А. Жилинского⁶.

Историография исследования обширна и, помимо философских трудов, включает в себя работы по истории, социологии, этнографии. В XVIII–XIX веках труды ученых, исследовавших северную деревню, охватывали философские, социальные, исторические и экономические проблемы. По мере накопления эмпирического материала усиливается потребность в его концептуальном и философском осмыслении.

Междисциплинарный характер монографии предопределяет комплексный подход к подбору источников. Сведения об освоении северного края выходцами из Новгорода встречаются в

¹ Матонин В.Н. История от первого лица. Мир северной деревни в письменных свидетельствах сельских жителей. М.; Архангельск: Товарищество Северного Мореходства, 2011.

² «Не век жить – век вспоминать». Народная культура Поонежья и Онежского Поморья / А.А. Крысанов [и др.] М.; Архангельск: Товарищество Северного Мореходства, 2011.

³ Ефименко П.С. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. Кн. 1 // Труды Архангельского статистического комитета за 1867 и 1868 гг. Архангельск, 1874. Вып. 3.

⁴ Белов В. Описание Архангельской губернии для народных училищ. Архангельск, 1913.

⁵ Островский П.Н. Путеводитель по Северу России. СПб.: Товарищество Архангельско-Мурманского пароходства, 1899.

⁶ Жилинский А.А. Крайний север Европейской России. Пг., 1919.

летописях, княжеских грамотах, писцовых книгах и отдельных актах: купчих, закладных, челобитных. Впервые обратились к этим документам В.В. Крестинин (1729–1795) и его последователь М.Н. Мясников¹. Их сочинения положили начало региональной историографии. Много сделано Вольным экономическим обществом и, прежде всего, А.В. Олешевым. Русские просветители второй половины XVIII века верили в возможность с помощью технических усовершенствований повысить рентабельность сельского хозяйства².

Непоследовательность и противоречивость правительственных мер в попытке урегулировать социальные отношения между дворянством и крестьянством заставляла ученых искать ответ на трудные политические вопросы в экономической сфере. Духовная жизнь и быт крестьянской общины оставались вне интересов русских энциклопедистов. Они были убеждены, что наука, противопоставленная религии, может способствовать устройению миропорядка на разумных и справедливых основаниях.

Новый период в изучении социальных и философских воззрений северного крестьянства начинался с 30-х годов XIX века, когда исследователи искали в обычаях и традициях крестьянской жизни единство «православия, самодержавия, народности»³.

В 1848 году Русское географическое общество разработало документ, на основе которого в 1853–1864 годах вышла серия «Этнографических сборников». «Общество истории и любителей древности» на хорошем научном уровне создавало источниковедческую базу, разрабатывало методики исследования прошлого и настоящего северной русской деревни. Среди славянофилов господствовала тенденция идеализации крестьянства, поиска в народе утраченного дворянством и нарождающейся буржуазией христианского идеала. Утверждалась идея самобытности крестьянской общины и особого исторического пути русской культуры⁴.

¹Крестинин В.В. Исторические начатки о двинском народе древних, средних, новых и новейших времен. СПб., 1784; Мясников М.Н. Нечто о пятинах новгородских и в особенности о старине, известной издревле под именем Ваги // Северный архив, журнал древностей и повестей по части истории, статистики, правопедения и нравов. СПб., 1827.

²Олешев А.В. Труды вольного экономического общества. М., 1766. Т. 2, 5.

³Чаадаев П.Я. Отрывок из исторического рассуждения о России // Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М.: Современник, 1989. С. 356–361.

⁴Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 91.

В конце 1860-х годов пользовались популярностью «Епархиальные ведомости», памятные книжки и календари, издаваемые губернскими статистическими комитетами. Восхищение крестьянством сменилось практическим интересом к традиционному и юридическому крестьянскому праву. Характерна в этом плане работа А.Е. Мерцалова «Сравнительный очерк землевладения в одной крестьянской общине от составления писцовой книги (1628) до настоящего времени»¹. Это содержательное сочинение с элементами философского анализа следует рассматривать в контексте народнической полемики о сущности общины и общинного землевладения. Научная и журнальная дискуссия велась на протяжении всей второй половины XIX века и особенно остро в 70–80-х годах. Ученые, публицисты, революционеры, литераторы и собиратели фольклора связывали с народным бытом и традициями представления о русском социализме. Со времен П.Я. Чаадаева отечественная философская мысль имела или политический, или богословский характер: «Жизнь духовного существа в целом обнимает собой два мира, из которых только один нам ведом»².

Народники призывали к просвещению крестьянства. А.Я. Ефименко обучала поморов из села Варзуга. Она стала профессиональным историком и открыла складнически-долевою форму землевладения. «Государственники» проповедовали искусственное насаждение общины. Народники убеждали, что община остается неизменной³. Исследование социокультурного пространства северной деревни находилось в первичной – описательной стадии.

Ученого «государственного» направления А.А. Кизеветтера интересовала роль монархии в судьбах Севера⁴. Обобщающее, концептуальное значение в понимании особенностей жизненного уклада северной деревни впервые представлено в трудах М.М. Богословского. Он доказал влияние локальных особенностей устро-

¹ Мерцалов А.Е. Сравнительный очерк землевладения в одной крестьянской общине от составления писцовой книги (1628) до настоящего времени // Вологодские губернские ведомости. 1884. № 17–18.

² Чаадаев П.Я. Философические письма. Письмо второе // Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М.: Современник, 1989. С. 65.

³ Ефименко А.Я. Крестьянское землевладение на Крайнем Севере // Исследования народной жизни. М.: Изд-во В.И. Касперова, 1884. Вып. 1: Обычное право.

⁴ Кизеветтер А.А. Русский Север. Роль северного края Европейской России в истории Русского государства. Вологда, 1919.

ения крестьянского «мира» на общественную и экономическую жизнь северного края¹.

Стремительное развитие промышленности, утрата отечественной старины в конце XIX – начале XX века побудили к активной деятельности собирателей фольклора. Социальные и философские воззрения северного крестьянства нашли выражение в былинах, сказках, пословицах и поговорках, собранных в северных селах, деревнях и погостах А.Ф. Гильфердингом² и Н.Е. Онучковым³.

Особое значение для эмпирического восприятия социокультурного пространства Русского Севера и Поморья имеют записки путешественников, «физиологические очерки» и, в частности, труды С.В. Максимова⁴. Со временем ценность его наблюдений и философских обобщений все более возрастает.

Между тем, в начале XX века никто не рассматривает духовную жизнь северных крестьян по отношению к их хозяйственной практике. В марксистской историографии преобладает классовый подход к исследованию жизни сельского пролетариата и крестьянства, что предполагает восприятие религии как «неотъемлемого предиката землевладения»⁵ и «опиума народа»⁶.

Советская идеология утверждалась в борьбе с «буржуазными» и «мелкобуржуазными» концепциями в понимании перспектив развития сельского хозяйства⁷. В 30-х годах XX века краеведение как отрасль научного знания, соединяющая в себе естественные и гуманитарные науки, фактически исчезает. Торжествует принцип единообразия в философии, идеологии, политике.

¹ Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909.

² Гильфердинг А.Ф. Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб., 1873.

³ Онучков Н.Е. Северные сказки: в 2 кн. СПб., 1998.

⁴ Максимов С.В. Год на Севере. Архангельск: Северо-Западное издательство, 1984; Нечистая, неведомая и крестная сила. Смоленск, 1995.

⁵ Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 339.

⁶ Ленин В.И. Социализм и религия // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1968. Т. 12. С. 143.

⁷ Платонов А.П. Город Градов // Платонов А.П. Взыскание погибших. М.: Школа-Пресс, 1995. С. 70–100.

В середине 1950–1960-х годов в обществе усилился интерес к прошлому и настоящему родного края. По-новому были поставлены и дискутировались старые вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?». В книгах и статьях И.В. Власовой, П.А. Колесникова, З.А. Огризко, А.А. Преображенского опровергнута популярная концепция о северной окраине, не затронутой капиталистическим развитием¹. Ученых интересовал процесс разложения феодальных отношений и генезис капитализма в деревне. М.В. Витов анализировал типы поселений, их социально-экономические разновидности: хутор, село, слобода, погост². Его привлекает тема земельных отношений, а в социальном аспекте – материальные и экономические проблемы³. Вопросы, связанные с духовной и церковной жизнью, освещаются либо с критических позиций, либо в контексте хозяйственной и военной деятельности монастырей на Русском Севере.

Основания для изучения социокультурного пространства северной деревни дают фундаментальные труды, всесторонне исследующие культуру и быт северной деревни. Это «Аграрная история Северо-Запада России XVI века» под редакцией А.Л. Шапиро⁴; историко-этнографический атлас «Русские»⁵; книга «Русский Север: Этническая история и народная культура XII–XX века» под редакцией И.В. Власовой⁶. В трудах, обобщающих многолетние полевые исследования и все известные архивные источники, собран воедино уникальный этнографический, фольклорный, исто-

¹ Власова И.В. Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII–XVIII вв. М., 1984; Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX вв. Вологда, 1976; Огризко З.А. Из истории крестьянства на севере феодальной России в XVII веке. М.: Советская Россия, 1968; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII вв. М.: Наука, 1972.

² Витов М.В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков: Из истории сельских поселений. М.: МГУ, 1962. С. 12.

³ Фруменков Г.Г. Оборона Беломорья. Архангельск, 1975; Его же. Узники Соловецкого монастыря. Архангельск, 1963; Горская Н.А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII веке. М., 1997.

⁴ Аграрная история Северо-Запада России XVI века / под ред. А.Л. Шапиро. Л.: Наука, 1974.

⁵ Русские: историко-этнографический атлас. М., 1967.

⁶ Русский Север: Этническая история и народная культура XII–XX веков / отв. ред. М.В. Власова. М.: Наука, 2004.

рический, географический материал без попытки его философского осмысления.

В XX веке социальная философия прошла путь от богоборчества и обличительного пафоса по отношению к духовенству и церкви до стремления осознать «константы жизненных установок» северного крестьянства и архетипы христианского культа в крестьянской культуре¹.

Целенаправленный характер исследование социокультурного пространства северной деревни получило в работах М.М. Громько, С.В. Кузнецова, А.В. Буганова² после публикации программы сбора полевого материала по теме «Православие и русская народная культура». Важное методологическое значение имеет идея М.М. Громько о необходимости изучения способов хозяйствования на микролокальном уровне³.

Разработана концепция историко-этнографического изучения социокультурного пространства⁴. Т.А. Бернштам и Т.В. Шепанская рассматривают северные локальные регионы через призму духовных факторов в этнокультурном и социокультурном процессах⁵. Выявление соотношения инновационного и традиционного в религиозно-культурном укладе северного крестьянства невозможно вне осмысления суждений и наблюдений архангельских историков и философов: А.А. Куратова, Н.М. Терехихина, В.И. Коротаева, А.Н. Давыдова⁶. Поморская семиотическая школа исследует

¹Румянцев Н.В. Православные праздники, их происхождение и классовая сущность. М.: Гос. антирелигиозное изд-во, 1933; Чичеров В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX вв. М., 1957; Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей: Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. М.: МГУ, 1982; Пропп В.Я. Собрание трудов. М.: Лабиринт, 1998.

²Громько М.М., Кузнецов С.В., Буганов А.В. Программа этнографического исследования // Этнографическое обозрение. 1993. № 6. С. 60–84.

³Громько М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири XVIII – первой половины XIX века. Новосибирск, 1995. С. 3.

⁴Его же. Православие в жизни русского народа // Живая старина. 1994. № 3. С. 20–52.

⁵Бернштам Т.А., Чистов К.В., Шепанская Т.Б. Русский Север: Ареалы и культурные традиции. СПб.: Наука, 1992.

⁶Эколого-экономическое обоснование создания национального парка «Онежское Поморье» / А.Н. Давыдов [и др.]. Архангельск, 1998. Т. 1.

социокультурное пространство северной деревни по отношению к актуальным проблемам современности¹.

Одно из главных направлений гуманитарной географии – фундаментальные образы-архетипы человеческого мышления, которые соотносятся как бинарные оппозиции: земля и небо, дом и дорога, город и деревня. Такой подход позволяет актуализировать понятия культурного ландшафта, географического образа и пространственного мифа, эффективно ввести их в общие историко-культурные контексты. Это научное направление в Институте природного и культурного наследия имени Д.С. Лихачева возглавляет Д.Н. Замятин. Под его научным руководством выходил сборник «Гуманитарная география»².

Вологодский историк и этнограф А.В. Камкин изучает православные приходы с точки зрения территории, организации жизнедеятельности в переходный период: от черносошной – к поземельной общине.

Секуляризационные процессы деформировали социокультурное пространство северной деревни. Преодоление кризиса В.И. Коротаев видит в диалоге – «союзе философской синергии и синергетики»³. Ю.Ф. Лукин научно обосновал концепт «социокультурное пространство». Очевидна тенденция к осмыслению исторической и этнографической конкретики на философском уровне. Космическое восприятие Русского Севера по отношению к России мы находим в научных трудах и поэзии петрозаводского философа Ю.В. Линника⁴.

Краткий историографический обзор показывает, что изучение социокультурного пространства северной деревни является

¹ Куратов А.А. Народная культура Севера: «первичное» и «вторичное», традиции и новации // Этнографическое обозрение. 1992. № 4. С. 144–146; Теребихин Н.М. Сакральная география Русского Севера. Архангельск, 1993; Коротаев В.И. Русский Север в конце XIX – первой трети XX века. Проблемы модернизации и социальной экологии. Архангельск: Изд-во ПГУ, 1998. С. 186.

² Замятин Д.Н. Гуманитарная география // Гуманитарная география. М.: Ин-т Наследия, 2005. Вып. 2. С. 334–336.

³ Коротаев В.И. Русский Север в конце XIX – первой трети XX века. Проблемы модернизации и социальной экологии. Архангельск: ПГУ, 1998. С. 186.

⁴ Линник Ю.В. Гильфердинг о северорусской общине // Культурное и природное наследие Европейского Севера: сб. Архангельск: ПГУ, 2009. С. 364–371.

закономерным философским этапом в становлении регионоведения как науки, объединяющей в себе географию, этнографию, историю и социологию. Синтез эмпирического материала невозможен без обращения к трудам русских религиозных философов: Н.А. Бердяева¹, В.С. Соловьева², В.В. Зеньковского³. Методологическое значение для нас имеют труды в области исторической антропологии, семиотики и этнографии А.Ф. Лосева⁴, А.Я. Гуревича⁵, В.Н. Топорова⁶, в которых культура – ценностно-смысловое единство, имеющее внутри себя сложные имманентные связи. Методологическая база исследования сложилась в рамках научной школы, созданной под руководством и научным попечительством Н.М. Терехина⁷.

¹ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1918.

² Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1988.

³ Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М.: Школа-Пресс, 1996.

⁴ Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991.

⁵ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.

⁶ Топоров В.Н. Пространство культуры и встречи в нем // Восток–Запад. М., 1989. С. 4–17.

⁷ Терехин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск: Поморский университет, 2004.